

90-летие мученической кончины
Святой Царской Семьи

СВЯТОЙ СТРАСТОТЕРПЕЦ ЦАРЕВИЧ МУЧЕНИК АЛЕКСИЙ

Жизнеописание составлено по воспоминаниям верноподданных, близких и очевидцев

Послание Архиерейского Собора 27 июня 2008 года

«...На нынешний год приходится еще одна памятная дата – 90-летие страдальческой кончины Царской семьи. Воздавая честь святым царственным страстротерпцам, мы все должны черпать в почитании их подвига силы и мужество и, взирая на их противостояние злу кротостью и смирением, подражать их вере (ср. Евр. 13 ,7). Мы также убеждены в том, что современное общество и государство должны дать нравственную оценку совершенному в 1918 году преступлению».

27 июня 2008 года, Москва

«...В дни их памяти десятки тысяч верующих, прибыв на место страданий святых, страстотерпцев, просили их о помощи нашему народу в его духовном возрождении, в исправлении его исторических путей.

Будем тверды в надежде на то, что Господь сподобит нас преодолеть все последствия трагедий, распрей и преступлений XX века, возводя Святую Русь от силы в силу.

Дай Бог, чтобы исполнились на ней слова святителя Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна, сказанные в грозном 1938 году: «Блаженна ты, Земля Русская, очищаемая огнем страдания! Прошла ты воду крещения, проходишь ныне через огонь страдания, внидешь и ты в покой».

Из Рождественского послания
Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II (2008/2009 гг.)

СВЯТОЙ СТРАСТОТЕРПЕЦ ЦАРЕВИЧ МУЧЕНИК АЛЕКСЕЙ

Издано попечением
благочестивых граждан любящих Россию

Святой страстотерпец царевич мученик Алексей

Со дня вступления на престол Государя Императора Николая II Россия в течение 10 лет ждала рождения в Царской Семье Сына, прямого Наследника Престола.

Как известно, с начала царствования Николая II Наследником был провозглашен Великий Князь Георгий Александрович, после смерти которого в 1899 году возникли вопросы о порядке престолонаследия: во-первых, о том, кто вновь будет провозглашен вместо него, а во-вторых, следует ли вообще провозглашать кого-либо до рождения сына в Царской Семье?

Уже в 1895 году после рождения первой дочери – Великой Княжны Ольги Николаевны – блажен-

Царица с Сыном

ная Паша Саровская предсказывала рождение Наследника после четырех дочерей и повторила свое пророчество о Нем в 1903 году. Во время Саровских торжеств прославления преподобного Серафима она протянула Царице лоскут красной материи и сказала: «Вот твоему сынишке на штанишки».

Наступил 1904 год. Он начался катастрофическими эпизодами русско-японской войны. «Строго Господь посещает нас Своим гневом», – записал Государь в свой дневник. Общественные настроения были взбудораженно-подавленные; какие-то неизведанные тяжести и испытания надвигались на Россию. В это время днем 30 июля/12 августа* неожиданной радостью ворвалась возвещенная выстрелами из Петропавловской крепости весть о рождении Наследника Цесаревича…

Наследник родился в летнем дворце Александрия под Петергофом. По воспоминаниям фрейлины, «Императрица едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к себе в спальню, как

* Здесь и далее первая дата дана по старому (церковному) стилю, вторая – по новому (светскому).

родился Наследник. Сколько было радости, несмотря на все тяжести войны; кажется, не было того, чего Государь не сделал бы в память этого дорогого дня».

Император с Наследником

Бывший командир лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка генерал Раух вспоминал, как на другой день он был принят Государем: «Он был в отличном настроении... Я спросил Государя, решил ли Он, какое имя будет дано Наследнику, на что Государь ответил мне следующими словами: „Императрица и я решили дать Наследнику имя Алексей; надо же нарушить эту линию Александров и Николаев“». Великий собиратель Земли Русской из Дома Романовых, царь Алексей Михайлович (в честь его и назван Наследник), царствование которого было славно для России, был любимым царем Государя.

Во время крещения с Младенцем произошел замечательный случай, обративший на себя внимание всех присутствующих. Когда новорожденного Цесаревича помазывали святым миром, Он поднял ручку и простер пальчики, как бы благословляя присутствующих.

Младенец был сказочно прекрасен, и все, кто имел счастье видеть его в первые годы жизни, единогласно подтверждают, что Он был дивно красив и внешним обликом, и по проявлявшейся в Его младенческих чертах дивной душевной красоте.

Прекрасные светлые локоны, большие серо-синие глаза, длинные загнутые ресницы, нежно-розовый цвет лица, пухленькие щечки, очаровательные ямочки при ангельской улыбке и в то же время какая-то вдумчивость и сообразительность. Он давал свою ручку постороннему человеку не сразу, а подумав, вглядевшись, и, решив дать, давал ее с такой приветливой, ласковой улыбкой, что оторваться от ручки не хочется. Мать не могла сдерживать своей радости при виде, какое впечатление производит Ее Сын на всех окружающих.

Государыня ежедневно сама купала Наследника и так много уделяла времени детской, что при дворе даже стали говорить, что Она не Царица, а только мать.

Однако скоро многим стало ясно, что такая чуткость и заботливость Царицы были необходимы для сохранения жизни новорожденного Наследника, так как у него обнаружилась ужасная болезнь – гемофилия. Какой удар – для Матери, для Отца, для Царской Семьи, в которой Наследник был уже общий любимец... И какой удар для России...

Медицина признала себя не в состоянии ни излечить, ни предупредить и даже облегчить страдания, когда начинался кризис. Чтобы хоть несколько защитить Царственного ребенка от случайностей и ушибов, к Нему была назначена русская няня

Мария Ивановна Вишнякова, а через год, во время путешествия Царской Семьи на «Полярной звезде», к Нему приставили в качестве дядьки боцмана Деревенько, который нянчил Наследника, научил его ходить, а затем служил Ему и во дворце. В помощь Деревенько были назначены матросы, в качестве второго дядьки – Нагорный и лакей – Седнев.

В их обязанности входило неотступно быть около ребенка и следить за каждым его шагом, не дозволяя ни малейшего вольного движения, не допуская ушиба, а тем более падения. А ребенок рос, требуя этих движений, так как был подвижным, когда бывал здоров... Его мечтой было поиграть вместе с детьми наблюдавших за ним матросов, так же, как они, пошалить, порезвиться. Его радостью было сделать кому-нибудь какой-нибудь подарок неожиданно... Болезнь не озлобила Его. Капризов Он не знал. Никакой злобы или раздражения не проявлял никогда...

Простые обыденные русские люди были, таким образом, ближайшими спутниками Наследника Престола в его детском мире, где постепенно складывался Его душевный облик. Общим фоном и солнцем этого мира стала редкая по сплоченности Царская Семья.

Генерал Краснов вспоминает, как в январе 1907 года, когда Наследнику было всего полтора года, Государь захотел показать Его, как шефа, лейб-гвардии Атаманскому полку: «Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с ним вдоль фронта казаков. Я стоял, – говорил генерал Краснов, – во фланге своей 3-й сотни и оттуда заметил, что шашки

Цесаревич Алексей

Царевич с боцманом Деревенько на пляже

в руках казаков 1-й и 2-й сотен качались. Досада сжала сердце: "Неужели устали? Этакие бабы! Разморились!" Государь подошел к флангу моей сотни и поздоровался с ней. Я пошел за Государем и смотрел в глаза казакам, наблюдая, чтобы у меня-то, в моей штандартной вымуштрованной сотне, не было шатания шашек. Нагнулся наш серебряный штандарт с черным двуглавым орлом, и по лицу бородача красавца вахмистра потекли непроизвольные слезы. И по мере того, как Государь шел с Наследником вдоль фронта, плакали казаки, и

качались шашки в грубых мозолистых руках, и остановить это качание я не мог и не хотел».

Как рисуется по воспоминаниям Наследник в эти первые годы? Красивый, ласковый ребенок, застенчивый и живой. Его преподаватель Пьер Жильяр говорит: «Впоследствии мне все чаще приходилось видеть Алексея Николаевича, который, убегая от своего матроса, появлялся в классе сестер...»

Царевич в форме почетного атамана казачьих войск

Это был милый, хороший мальчик – умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, несмотря на Свое частое тяжелое болезненное состояние. Если Он хотел выучить что-либо, то говорил: «Погодите, Я выучу». И когда действительно выучивал, это у Него оставалось и сидело крепко. Он привык быть дисциплинированным, но не любил придворного этикета. Он не переносил ложь и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо. В Нем гармонично были совмещены черты Отца и Матери: простота и искренность во всем, ко всему и ко всем, а также сильная воля. Совсем не было в Нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости.

**На привале во время морской прогулки.
Финский залив. 1914 год.**

Сильная воля у Царевича Алексея была наследным качеством, но она развилась и окрепла из-за частых физических страданий, причиняемых ребенку страшной болезнью. Болезнь вообще стала своеобразным воспитателем маленького мученика.

Любимой игрой Наследника стали солдатики, которых у него было очень много. Он часами расставлял их на большом столе, устраивая войны и парады. Деревенько, или Дина, как называл его Наследник, принимал участие во всех этих играх, равно как двое его сыновей.

Однажды, когда Царевич играл с Великими Княжнами, Ему сообщили, что во дворец пришли офицеры Его подшефного полка и просят разреше-

ния повидаться с Ним. Шестилетний ребенок, тотчас оставив возню с сестрами, с важным видом заявил: «Девицы, уйдите, у Наследника будет прием».

Царица внушила Своему Сыну, что перед Богом все равны и гордиться Своим положением не должно, а надо быть благородным с людьми, не унижая Своего положения.

«Я понимал яснее, чем когда-либо, – говорил Жильяр, – насколько условия среды мешали успеху и моим стараниям. Мне приходилось бороться с подобострастием прислуги и нелепым преклонением некоторых из окружающих. И я был даже очень удивлен, видя, как природная простота Алексея Николаевича устояла перед этими неумеренными восхвалениями.

Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки Наследнику Цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенько, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить Ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил Его, приятно ли Ему было видеть этих людей перед собою на коленях. "Ах, нет! Но Деревенько говорит, что так полагается!" Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что Его освободили от того, что было для Него настоящей неприятностью».

«Во время одной прогулки по берегу Днепра, при посещении Императорской Ставки Верховного главнокомандующего, Цесаревич, будучи в шаловливом

настроении, вытащил у меня зонтик и бросил его в реку, – вспоминает фрейлина. – Великая Княжна Ольга и я старались зацепить его палками и ветками, но так как он был раскрыт, то течением и ветром его подхватило, и не было под рукой ни лодки, ни плота, с которого можно было бы его поймать. Неожиданно появился Государь. "Что это за представление?" – спросил Он, удивленный нашими упражнениями около воды. "Алексей бросил ее зонтик в реку, и это такой стыд, так как это ее самый лучший", – ответила Великая Княжна, стараясь безнадежно зацепить ручку большой корявой веткой. Улыбка исчезла с лица Государя. Он повернулся к своему Сыну: "Так в отношении дамы не поступают, – сказал Он сухо. – Мне стыдно за Тебя, Алексей. Я прошу извинения за Него, – добавил Он, обращаясь ко мне, – и попробую исправить дело и спасти этот злополучный зонтик". К моему величайшему смущению Император вошел в воду. Когда Он дошел до зонтика, вода была Ему выше коленей. Он передал его мне с улыбкой. "Мне все же не пришлось плыть за ним! Теперь Я сяду и буду сушиться на солнце". Бедный маленький Царевич, красный от Отцовского резкого замечания, расстроенный, подошел ко мне. Он извинился, как взрослый. Вероятно, Государь позже говорил с Ним, так как после этого случая Он перенял манеру Отца, подчас забавляя нас неожиданными старомодными знаками внимания по отношению к женщинам. Это было очаровательно».

Наследник принимал горячее участие, если и у прислуги стрясется какое-нибудь горе. Алексей Николаевич не успокаивался, пока не поможет. Был

Царствующий Отец и Наследник Престола

случай с поваренком, которому почему-то отказали от места. Алексей Николаевич как-то узнал об этом и весь день приставал к Родителям, пока Они не приказали взять поваренка обратно. Он защищал и горой стоял за своих.

С друзьями Цесаревич вел себя очень вежливо и невысокомерно. Наследник престола был столь же учтив, как Его Сестры. Однажды Государыня сидела в Своем лиловом будуаре с подругой, и вдруг из соседней комнаты послышались возбужденные голоса Цесаревича и его друга Тити, сына подруги. «Думаю, они ссорятся, – проговорила Государыня и, подойдя к дверям, прислушалась. Потом со смехом, повернулась. – Вовсе не ссорятся. Алексей настаивает на том, чтобы первым в лиловую комнату вошел Тити, а добрый Тити и слышать об этом не желает!»

Он многое понимал и понимал людей, но был замкнут и сдержан. Он был страшно терпелив, очень аккуратен, дисциплинирован и требователен к себе и другим. Он был добр, как и Отец, в смысле отсутствия у Него свойств причинять зло. В то же время Он был бережлив. Как-то однажды Цесаревич был болен, Ему подали кушанье, общее со всей Семьей, которое Он не стал есть, потому что не любил это блюдо. Фрейлина возмутилась, что не могут приготовить ребенку отдельное кушанье, когда Он болен. Наследник ответил: «Ну, вот еще. Из-за меня одного не надо тратиться».

Любимой пищей Цесаревича были «щи и каша и черный хлеб, который едят все мои солдаты», как Он всегда говорил. Ему каждый день приносили пробу

щей и каши из солдатской кухни Сводного полка. Цесаревич съедал все и еще облизывал ложку. Сияя от удовольствия, он говорил: «Вот это вкусно, не то, что наш обед». Иногда, почти ничего не вкушая за Царским столом, он тихонько пробирался со своей собакой к зданиям Царской кухни, постучав в стекло окон, просил у поваров ломоть черного хлеба и втихомолку делил его со своей кудрявой любимицей.

Царица с Наследником

Весна 1912 года. Белоснежный новый дворец в Ливадии – летняя резиденция. Царская Семья встречает Пасху. Как прекрасно! На праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье) вся Царская Семья стоит с ветками цветущего миндаля (вместо вербы). В Великий Четверг все причащаются. Маленький Алексей Николаевич в начале Страстной Седмицы бережно помогает Матери встать с колен после земных поклонов, а после Пасхи во время благотворительных базаров в Ялте

Ливадийский дворец (современное фото)

он, стоя возле Государыни, протягивает ручки с вещами восторженной толпе.

На одной из станций, мимо которой проезжал царский поезд, возвращавшийся из Ливадии, к Государю подошел с просьбой один из железнодорожных чиновников. Он был обременен слишком большой семьей, и жалованья его не хватало на ее прокормление. Государь ласково выслушал его и сказал: «С этого дня ты будешь получать от меня еще тридцать рублей в месяц». Маленький Цесаревич, стоявший подле Государя и внимательно слушавший чиновника, положил свою пухленькую ручку на его рукав и сказал: «А от меня будешь получать сорок».

Он становился уже большим; наступало время серьезного учения. Но докучливая болезнь не дава-

Царевич после болезни

ла Наследнику покоя. Осенью того же года, когда Царская Семья была в Скерневицах, Наследник, играя у пруда, неосторожно прыгнул в лодку, и это вызвало внутреннее кровоизлияние. Их Величества переехали тогда с ним в Спалу, куда были вызваны из Петербурга доктор Раухфус, профессор Феодоров и его ассистент доктор Деревенко (не Деревенько – матрос, дядька царевича), оставшийся потом при Наследнике вместе с доктором Боткиным. Положение было крайне тяжелое. «Ребенок стонал, – вспоминает Жильяр, – голова лежала на руках матери, и бескровное личико было почти неузнаваемо. Он иногда переставал стонать и произносил слово „Мама“, точно стараясь выразить этим свое страдание и тоску. Мать целовала его волосы, лоб, глаза, стараясь лаской своей облегчить его страдание, точно прощаясь с Ним, точно видя Его в последний раз

Царевич Алексей в Ставке
в Могилеве со своим воспитателем П. Жильяром

живым. Государь тоже пользовался каждой свободной минутой, чтобы заходить к Сыну; он старался его развлечь и утешить. От времени до времени приотворялась дверь, и одна из Великих Княжон подходила на цыпочках к Брату, целовала его, точно принося с собой луч света и здоровья. Ребенок на минуту открывал глаза, уже сильно подведенные страданием, и снова их закрывал».

Он почти не спал во время таких проявлений болезни, не имел сил плакать и долго стонал, повторяя все одни и те же слова: «Господи, сжалься надо мною!»

На здоровье Царевича очень благотворно и целебно влиял своими молитвами преданный друг Царской Семьи и верноподданный Государю Григорий Ефимович Распутин-Новых.

Выздоровление Наследника после этого, самого тяжелого приступа болезни шло очень медленно.

Няня Его, Мария Вишнякова, сильно переутомилась. Сама Государыня так устала, что еле двигалась. Часто за выздоравливающим мальчиком ухаживали его сестры; Им помогал и Жильяр, который часто читал ему и забавлял. В течение нескольких месяцев Наследник был прикован к постели. Трудно было всем окружающим заставить Его лежать, трудно было уследить, чтобы Он, при своей живости, не ухудшил своего опасного положения.

Грустную картину представляли собой выходы и прогулки Цесаревича во время его болезни... На глаза невольно наворачивались слезы, когда на блестящем параде, среди сильных и здоровых людей, проносил Его мимо рядов войск на руках самый рослый могучий казак. Скорбными линиями очерчивалась хрупкая фигурка Цесаревича на руках этого рослого казака, худенькая ручка охватывала его сильную широкую шею, похудевшее личико было прозрачно-бледно, а изумительно-прекрасные глаза полны грусти. Эти глаза на бледном личике смотрели в ту пору с недетской глубиной, они озаряли его черты, придавая им выражение ребенка, перешедшего уже за грань земного бытия. Недетская сила светилась в их глубине и помогала Ему выносить дни страдания и болезни. В эти дни, даже тогда, когда Цесаревич шалил и смеялся, глаза Его хранили скорбь затаенного страдания. Выражение этих изумительных глаз, как и трагическое лицо Государыни, говорили об одном и том же страдании... О страдании не столько настоящем, сколько грядущем... Жизнь всей Семьи была сосредоточена на Нем. Жизнь ее полна радости и света, когда радо-

Царевич Алексей с Сестрами

стен Цесаревич, и все погружены в скорбь, когда Он снова болен. Живость Его не могла умериться Его болезнью, и как только Ему делалось лучше, Он начинал безудержно шалить...

Когда приходили Княжны, в особенности Великая Княжна Анастасия Николаевна, начиналась страшная возня и шалости. Великая Княжна Анастасия была отчаянной шалуньей и верным другом во всех проказах Цесаревича, но Она была сильна и здорова, а Наследнику запрещались эти опасные для Него часы детских шалостей.

Только приход Государя мог Его усмирить. Сажая Отца к Себе на кровать, Он просил Его рассказать о занятиях Его Величества, о полках, Шефом которых

Он был и по которым очень скучал. Цесаревич внимательно слушал рассказы Государя из русской истории и обо всем, что лежало за пределами Его скучной больничной постели. Государь с большой радостью и глубокой серьезностью делился с Ним всем... Ребенок во всем хотел подражать Отцу. Отец был ровен, спокоен, выдержан, и его слово стало законом для Сына, а Он сам – образцом для Него во всем.

Модель памятника к 300-летию Дома Романовых по проекту А.И. Адамсона, утвержденного Императором

Первая половина 1913 года была занята для Царской Семьи широко растянувшимися пышными торжествами по случаю 300-летнего юбилея Дома Романовых. Наследника, недостаточно окрепшего после болезни, во время этих торжеств часто проносили мимо рядов войск на руках могучего конвойца.

В пышных московских торжествах, когда гудели все городские колокола, а толпы народа восторженно приветствовали Царскую Семью, Наследник ехал

Августейшая Семья на праздновании
300-летия Дома Романовых

в открытом экипаже с Государыней вслед за вступавшим в Кремль пешком Государем.

В то же время с начала этого года установились более или менее регулярные классные занятия Наследника. Старшим учителем (русским гувернером) был Петр Васильевич Петров, преподававший Наследнику русский язык. Преподавателем французского языка, а с осени 1913 года гувернером Наследника стал Пьер Жильяр, один из преданнейших и любимых Царской Семьей людей. Английский язык преподавал англичанин Гиббс, который после мученической кончины Царской Семьи принял Православие, постриг в монашество с именем

Николай в честь Царя Мученика, а затем и священство.

По отзывам близких, Наследник отличался большими способностями и учился вроде Великой Княжны Ольги Николаевны, которая была замечательно умна и способна и училась шутя.

«Алексей Николаевич, – говорил Жильяр, – был ребенок умный и живой, сердечный и отзывчивый…»

Первые занятия Цесаревича после тяжелого обострения болезни

Все его учителя говорили о выдающихся способностях Цесаревича, о Его большом пытливом уме и о трудных вопросах, Им задаваемых. Он всех восхищал благородством своего характера, добротой и отзывчивостью сердца. Один из самых близких к нему учителей говорил: «В душе этого ребенка не заложено ни одной порочной черты; душа Его – самая добрая почва для всех добрых семян; если суметь их насадить и взрастить, то Русская земля получит не только прекрасного и умного Государя, но и прекрасного человека».

Наследник любил игры, и удержать его было невозможно

Программа занятий в первое время сводилась к тщательному изучению языков, особенно русского. Все воспоминания отмечают, что Царские Дети были горячие патриоты; Они обожали Россию и все русское; между собой всегда говорили только по-русски и плохо говорили на иностранных языках. Наследник в последние годы заговорил свободно по-французски, так как всегда бывал вместе с Жильяром. Мать Царица взяла на себя религиозную часть воспитания и обучения. Она читала с Ним святые молитвы и знакомила с жизнью и учением Господа нашего Иисуса Христа. Она приучила Сына молиться, и мальчик не засыпал, не помолившись, и не начинал дня без молитвы. «Закон Божий должен быть в сердце ребенка», – говорила государыня и сумела вложить его в это сердечко. Другими предметами обучения были русский, французский, английский языки (немецкий не изучался), начальная арифметика и счет.

Цесаревич, русский всей душой, любил русские сказки. У Него было много книг и учителей, но не учителей спрашивал Наследник об этом сказочном и правдивом царстве, созданном нашим народом, а обратился к незатейливым рассказчикам, у них захотел узнать родные сказки. С большими трудностями и волнениями, при помощи своего дядьки, приводил он вечерами в свою комнату солдат-сказочников из Сводного или Конвойного полков. О них сообщали Цесаревичу его простые друзья-солдаты, всегда готовые толпиться вокруг сказочников, послушать, как они «сказки сказывают».

Солдата приводили, когда Цесаревич уже ложился спать, после того, как Государь и Государыня бла-

гословят Его на тихий, спокойный сон. Рассказчика вводили в Его опочивальню и из предосторожности сажали под кровать, так как в спальню каждую минуту могла войти Государыня, чтобы взглянуть любящим взглядом на Сына. Для Цесаревича в этих случаях было достаточно одной секунды, чтобы накрыться одеялом и притвориться крепко спящим. Целые часы проводил он, свесившись головой с кровати, из-под которой он узнал все русские сказки во всем их богатстве и глубине. Государыня узнала об этих ночных рассказах случайно, войдя в комнату, когда Цесаревич так увлекся приключениями Бовы-Королевича, что не слышал ее тихие шаги, а все дальше и дальше сползал с постели к голове сказочника.

Когда Он имел на это возможность, то наслаждался жизнью, как живой, веселый мальчик. Когда цесаревич был здоров, дворец как бы перерождался; это был луч солнца, освещающий все и всех.

Наследник любил игры и забавы мальчиков, и часто бывало невозможно его удержать. «Подари мне велосипед», – просил он мать. – «Алексей, ты знаешь, что тебе нельзя!» – «Я хочу учиться играть в теннис, как сестры!» – «Ты знаешь, что ты не смеешь играть». Иногда Алексей Николаевич плакал, повторяя: «Зачем я не такой, как все мальчики?» Частые страдания и невольное самопожертвование развили в характере Алексея Николаевича жалость и сострадание ко всем, кто был болен, а также удивительное уважение к матери и всем старшим. При своих выдающихся способностях Он мог бы развиваться совершенно нормально, если бы болезнь Его

не задерживала; приходилось пользоваться промежутками болезни, что делало задачу его образования очень трудной.

Царевич Алексей

Восприняв многое из окружающей среды, Наследник имел уже и свой горький жизненный опыт – свои страдания и настороженность, мог оценить сознательно ласку и участие к себе...

Он всегда привлекал всех своим ясным взором, решительным видом, быстрыми решениями, громким голосом и вместе с тем мягкостью, ласковостью и внимательным отношением ко всем. Бесконечно тяжело было видеть очаровательного во всех отношениях ребенка, одаренного огромной памятью, сообразительностью не по летам и физической красотой, страдающим хроническим заболеванием, происходящим главным образом от малейшей неосторожности при играх.

Таким застали его дни войны. Приступы болезни становились все реже. Грозные события развивались, конечно, вне Его детского мира, но постепенно захватывали и его: постоянные разговоры

в Семье о войне, лазареты для раненых в Царском Селе, его Августейшие сестры и Царица мать – сестры милосердия.

Часто Алексей Николаевич с другим мальчиком – кадетом оживленно вел игру у большой игрушечной крепости. Они расставляли солдатиков, палили из пушек, и весь их бойкий разговор пестрел современными военными терминами: пулемет, аэроплан, тяжелая артиллерия, окопы и прочее. Когда игра заканчивалась, они рассматривали книги. К ним часто заходила Великая Княжна Анастасия Николаевна... Вся обстановка двух детских комнат Наследника была проста и нисколько не давала представления о том, что тут живет и получает первоначальное воспитание и образование будущий русский Царь. На стенах висели карты, стояли шкафы с книгами, было несколько столов, стульев, но все это просто, скромно до чрезвычайности.

Его обыденная жизнь сводилась прежде всего к нормальным классным занятиям. Сделаем несколько выписок из писем Государыни, характеризующих прилежание наследника и его успехи: «Дети начали свои зимние уроки. Мария и Анастасия недовольны, но Беби все равно. Он готов еще больше учиться, так, что я сказала, чтоб уроки продолжались вместо сорока пятьдесят минут, так как теперь, слава Богу, он гораздо крепче».

«Не находишь ли ты, – спрашивает Государыня в письме Государя, – что Бебин почерк становится очень милым и опрятным?»

Когда занятия кончались, Наследник предавался своим дорогим детскому сердцу делам: выезжал в

Цесаревич Алексей с осликом. Царское Село, 1909 год.

сад на санках, запряженных знавшим много трюков старым осликом Ванькой, подаренным по случаю рождения Царевича цирком Чинизелли, в «ослиных санках», как он сокращенно их называл. Он строил снежные башни, стрелял с доктором В.Н. Деревенко* в цель, а летом брал своего любимца собаку Шут, шел в сад и пек там картошку и яблоки. «Эти прогулки для него так полезны», – писала Государыня. Часто заходили к нему в гости дети Великой Княгини Ксении Александровны – Князья Дмитрий, Ростислав и Никита. Иногда со старшими сестрами он участвовал в посещении царскосельских лазаретов.

По утрам Царевич с Жильяром выезжали тотчас после завтрака, часто останавливаясь у выезда

* Деревенко В.Н. – врач царской семьи.
Деревенько – дядька царевича (боцман).

встречных деревень, чтобы смотреть, как работают крестьяне. Алексей Николаевич любил их спрашивать; они отвечали ему со свойственными русским мужикам добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем разговаривали.

Алексей Николаевич очень любил вступать в разговоры с ранеными. Однажды старшая сестра одного из лазаретов попросила офицеров, чтобы они как можно больше рассказывали Алексею Николаевичу из жизни на фронте, и действительно Он был так заинтересован, что, когда Великие Княжны, бывшие в соседних палатах, пришли звать его домой, сказал: «Ну вот, когда мне интересно, вы всегда уезжаете раньше, а когда скучно, так сидите, сидите без конца».

Мудрая Мать и Державный Отец нашли в себе силы последовать разумному совету избранного Государыней к сыну воспитателя Жильяра дать Сыну свободу движения и проявления себя. Царственный Отец, несмотря на грозящую опасность для Сына, проявлял врожденный такт и брал с собою Царевича в путешествия по финляндским шхерам и по Галиции. Он позволял мальчику купаться, возиться, делать гимнастику и быть на свободе.

«Беби был страшно оживлен, – пишет Государыня в апреле 1916 года, – и весел весь день и до того, как пошел спать, ночью он проснулся от боли в левой руке... Он уже беспокоится насчет Пасхи, как он будет стоять завтра со свечой в церкви, и насчет Причастия, бедный человечек. По-видимому, он работал ломом и, вероятно, слишком напрягался – он такой сильный, что ему трудно всегда помнить и

Наследник в Ставке с высшими военными чинами

думать о том, что он не должен делать резких движений».

Наследник становился здоровее и крепче; вся Царская Семья уже не жила прежней замкнутой жизнью – помощь раненым и общественная благотворительность звали Царицу и Великих Княжон к иным заботам. Государь все время был в отлучках – в поездках по России и в Ставку (штаб армии).

Государь Император и Наследник на фронте

Естественно, что все это будоражило живую натуру Наследника, в котором родители развили такую горячую любовь ко всему русскому. «Милый Беби, – писала в сентябре 1915 года Государыня, – опять начал потихоньку говорить о том, не возьмешь ли ты его в Ставку, и в то же время ему грустно со мной расставаться». Да и самой Государыне трудно было решиться на такой шаг, но Она жила не для себя: перед ней были всегда три сокровища – Государь, Цесаревич и Россия. В их интересах Она решила расстаться на время с Наследником. Это была ее первая разлука с ребенком. Императрица просила при отъезде каждый день давать ей сведения об Алексее Николаевиче. Этот приказ был свято исполнен преподавателем, бывшим при Царевиче.

1 октября 1915 года Наследник с Государем уехали в Ставку. В первом письме Государыня пишет: «… наш Агунюшка будет горд, что едет с тобой и нет никого из нас, женщин, около него. Совсем большой мальчик. Я уверена, что войска будут счастливы, когда до них дойдет известие, что он с Тобой… Такой трогательный… Деревенко взял с собой наши подарки для Беби – пишущую машину, которую он получил здесь, и большую игру. Ты ему дашь почтовой бумаги… Как счастлив он был поехать, с каким возбуждением он ожидал этой великой минуты путешествовать с тобой одному… Он был счастлив».

Ставка в Могилеве.
Государь Император и Наследник.
1915–1916 год

Наследник ехал в военной форме одной из своих подшефных частей, его сопровождал Жильяр, который так описывал затем пребывание своего воспитанника в Ставке: «Ввиду недостатка места Государь поместил сына в своей комнате, вся обстановка которой состояла из походных кроватей и нескольких стульев. Он гулял с ним и отдавал ему все свободные минуты. Наследник несколько раз

Наследник Престола Алексей Николаевич в Ставке.
Слева направо: наставник Цесаревича П. Жильяр,
дворцовый комендант В.Н. Воейков, учитель английского языка С.И. Гиббс,
учитель русского языка П.В. Петров. Могилев. 1916 год

объезжал с ним фронт, так как Государь страстно хотел показать Его войскам. Но жизнь в Могилеве мешала правильным занятиям Наследника и действовала на Его здоровье: было слишком много сильных впечатлений для Его восприимчивой натуры; он стал нервным, рассеянным и не мог правильно учиться». Жильяр сказал об этом Государю. Признавая правильность его замечаний, Государь все же находил, что жизнь в Ставке имела свои хорошие стороны: Алексей Николаевич сделался более общительным и менее застенчивым, а виденные им страдания должны были отразиться на всей Его жизни и на отношении к ужасам войны. Несмотря

на то, что эти поездки вредили здоровью Алексея Николаевича и отрывали Его от учения, Государь не считал себя вправе оставлять Цесаревича в Царском Селе и не исполнить его горячего стремления быть среди войск.

И Отец, и Сын одинаково наслаждались своей совместной жизнью: Алексей Николаевич обожал Отца, и трогательно было видеть, как он его всюду сопровождал. С Алексеем Николаевичем приезжали в Ставку его учителя, так что занятия Его не нарушались. Окончив уроки, Алексей Николаевич уходил с Жильяром гулять в городской сад. Там Он очень скоро подружился со всеми мальчиками своего возраста, и они все вместе устраивали шумные и военные игры. Больше всего доставляла удовольствие Алексею Николаевичу эта простота общения с другими детьми, и Он с восторгом рассказывал обо всех происходивших баталиях, или о том, как Он упал в грязь, или что-то подобное.

Здесь Он, по своему почину, познакомился и подружился с двумя кадетами – Орловского корпуса Женей Макаровым и симбирского Агаевым, которые гостили у него после каникул и в Царском Селе (сам Наследник с 17 февраля 1907 года числился кадетом 1-го кадетского корпуса).

Цесаревич каждый день писал самостоятельные письма Государыне своим большим детским почерком. «Я только что получила письмо Беби и полностью им насладилась; он в самом деле пишет забавно. Его письма прелестны, – говорит Государыня о своем маленьком военном. – Беби очаровательно пишет: „У меня нет больше денег, прошу прислать

Георгиевская медаль

жалованье, умоляю“. Его записки очаровательны, милый ребенок».

Он был истинным солнечным лучом для одинокого, крайне занятого на труднейших постах великой страны Государя, и Отец, конечно, баловал Его. А Царица Мать, строго воспитывавшая своего любимца, неоднократно просила Государя быть построже с Ним, не нарушать установленного режима: «Держи Бебичку в руках, смотри, чтобы он не играл за столом, пожалуйста, и не клал бы рук и локтей на стол, и не давай ему бросать хлебными шариками... Спрашивай его от времени до времени, хорошо ли он читает свои молитвы... Как славно, что ты молишься с Беби; он об этом мне написал, сокровище». Ежедневно в 9 часов вечера, в тот час, когда он обычно ложился спать, осиротевшая без Него Государыня ходила в его комнату и тоже становилась на молитву. Воистину, как сказал Ф.М. Достоевский: «Созидается же семья неустанным трудом любви».

Весной 1916 года Царская Семья совершила большую поездку на юг России (Одесса – Севастополь – Евпатория). В Евпатории у моря Наследник выстроил крепость на берегу, которую местные гимназисты обнесли после забором и берегли, как святыню. После этой поездки на юг Царевич опять уехал с отцом в Ставку.

Безмерно много для воспитания в Сыне внимания и сострадания к людям сделал Сам Государь

Император Николай. На обратном пути в Ставку, узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, Государь решил проехать туда.

Цесаревич с любимой собакой

Въехали в густой лес. В лесу стояло небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопутствуемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выражавшееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя и, когда последний нагнулся над ним, приподнял свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади Своего Отца. Он был глубоко потрясен стонами, которые слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг Себя.

Каковы же результаты его пребывания в Ставке? Для него хотя и внешние, но очень его порадовавшие: в октябре 1915 года он получил Георгиевскую медаль, а в мае 1916-го был произведен в ефрейторы; внутренне он очень много пережил.

Приведем пример. Его с собакой Джой снимали для кинематографа. Когда Цесаревич узнал, что ленту хотят демонстрировать публично, он сказал Жильяру, что «было бы глупо показывать его выделывающим пируэты» и что «на снимке собака выглядит умнее его». «Мне это понравилось», – пишет Государыня.

Дух войск был поднят обаянием личности светлого Царевича, появлявшегося на различных участках фронта. Получить шефом Наследника Цесаревича – это яркая мечта боевых полков. «Господи! – вспоминает генерал Краснов слова офицеров и казаков. – Если такая монаршая милость будет, надо нам какой-нибудь подвиг совершить!»

И совершали, причем не один... В августе 1916 года Государь назначил Наследника шефом 1-го Волжского полка Терского казачьего войска. Кроме того Цесаревич был шефом лейб-гвардии Атаманского, лейб-гвардии Финляндского, 51-го пехотного Литовского и 12-го Восточно-Сибирского стрелковых полков, Ташкентского Кадетского Корпуса и Атаманом всех казачьих войск.

Весь 1916 год с небольшими перерывами Наследник провел в Ставке и в разъездах с Отцом и, несмотря на то, что Ему шел только тринадцатый год, очень за это время возмужал.

В марте 1916 года Государыня писала: «Ради Беби мы должны быть тверды, так как иначе он получит

Ефрейтор Алексей Романов. 1916 год

страшное наследие, и с его характером он не подчинится другим, а будет сам себе хозяином, как следует быть в России». В другом письме, в декабре 1916 года, читаем: «Мы должны передать Беби крепкое государство и ради него не смеем быть слабыми, иначе у него будет еще более трудное царствование... Пусть наше наследство будет для Алексея легче. У него собственная сильная воля и ум».

В мелочах эта воля тоже уже проявлялась. Из писем Государыни: «Беби был мил, когда я ему вчера сказала, что у него к завтраку будут блины, которые он любит. Он сказал: „Как, когда у тебя боли, ты заказываешь мне блины? Я нарочно их не буду есть. Не надо“». А на Страстной Седмице, несмотря на то, что он был болен и очень страдал, как пишет Государыня «не хотел ни к чему прикоснуться, даже не хотел выпить воды до Святых Тайн, которых он приобщился только около половины двенадцатого». По примеру отца, как взрослый, 1 января 1916 года Наследник начал писать свой первый дневник. Мария ему помогала.

Из этого детского мира Царевичу приходилось входить, как Наследнику великого Престола, в иной мир, где свои радости, блеск, могущество и беды.

Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что он будущий Царь, наполняла все его существо сознанием своего высшего предназначения. Когда Алексей Николаевич бывал в обществе знатных и приближенных к Государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды Цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При

входе Наследника собеседник Государя не нашел нужным встать, а, лишь приподнявшись со стула, подал Цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним, молча, заложив руки за спину. Этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед Цесаревичем. На это Цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и наконец с грустью и гордостью сказал: «Да. С Ним вам не так легко будет справиться, как со мною».

По отпускным дням осенью и зимой 1916 года, когда Наследник бывал в Царском Селе, к нему приезжали его могилевские приятели-кадеты, братья Макаровы. Заметив во время первых свиданий некоторое смущение своих друзей, Наследник сказал, как вспоминает один из этих счастливцев-кадетов, «чтобы я, если мы одни, называл его Алешей... Если же есть поблизости кто-нибудь из генералов, то „Алексей Николаевич", а в присутствии папы – „Ваше Высочество"», затем смотрели картины кинематографа, а после обеда Наследник показывал в детской свои игрушки, играл на балалайке. Тот же кадет вспоминает трогательные подробности об отношении к нему Цесаревича: «На следующий день, проснувшись, я лежа мечтал о прошедшем дне, как вдруг прибегает ко мне Наследник в одной рубашечке, прямо с кровати, и радостно объявляет, чтобы я скорее одевался, потому что едем в церковь...» Цесаревича большей частью сопровождал Его дядь-

Корь появилась среди Царских детей после посещения дворца зараженным мальчиком. 1917 год

ка, который важно и немного развалясь сидел в Царском экипаже. Царевич каждый раз стремительно вылетал из коляски или автомобиля прежде, чем ленивый дядька успевал Ему помочь выйти... Он с быстротой молнии распахивал дверцу автомобиля и с необыкновенной легкостью соскакивал на землю, так что не было времени за него испугаться. Он бегом поднимался по ступенькам крыльца и исчезал в храме, а дядька, не торопясь, шел за ним.

Корь появилась среди Царских детей после посещения дворца зараженным мальчиком. 17 февраля 1917 года, за несколько дней до последнего отъезда Императора, заболели Великая Княжна Ольга Николаевна и Царевич.

До кровати маленького больного Наследника не достигали далекие шумы и вся грязь развивавшихся бурь. Но в один день дойдет до него весть, что Императором Всероссийским он не станет... по причине всеобщего предательства страны.

В Петрограде тем временем распространились слухи, что Наследник скончался и в ночь на 3 марта один из членов Временного Правительства вызывал по телефону доктора Боткина, спрашивая о состоянии здоровья Алексея Николаевича. Прошло несколько дней, Наследнику стало лучше, но иные страдания ждали его.

«Утром 8 марта, – вспоминает Жильяр, – Ее Величество позвала меня и сказала: „Государь возвращается завтра; надо предупредить Алексея, необходимо все ему сказать... Хотите Вы это сделать? Я пойду говорить с девочками“». На сообщение Жильяра об отстранении Государя от царствования Наследник скромно спросил: «В таком случае, кто же будет Императором?» – «Не знаю, теперь никто». Ни слова о себе, ни единого намека на свои права как Наследника. Он сильно покраснел и взволновался. После нескольких минут молчания Алексей Николаевич сказал: «В таком случае, если больше нет Царя, кто же будет править Россией?» Жильяр объяснил, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься делами Государства до созыва Учредительного собрания, и что тогда, может быть, Его дядя Михаил взойдет на престол. Еще раз он был поражен скромностью этого ребенка, скромностью, которая равна его доброте...

«В 4 часа двери дворца закрываются, – заканчивает это воспоминание Жильяр, – мы считаемся арестованными». Кто «мы»? Жертвенная Царская Семья, преданные учителя Алексея Николаевича, Жильяр и Гиббс, некоторые из слуг, все няни, оба доктора.

И вот заточение. Сначала в Царском Селе. Настало время глумления от бывших подданных над Царем и его Семьей, время болезненных уколов и оскорблений для самого Алексея Николаевича... Были слезы об убийстве козочек парка и лебедей Царскосельского пруда, была скорбь, но не было озлобления, ненависти к обидевшим и обижающим, а к русскому народу и русской армии осталась прежняя любовь.

Фрейлина Дворца свидетельствовала, как матрос Деревенько сидел, развалившись в кресле, и приказывал Наследнику подать ему то одно, то другое. Алексей Николаевич с грустными и удивленными глазами быстро исполнял его приказания...

В день назначения комендантом Коровиченко Деревенько бежал за ним по коридору с такими низкими поклонами, что Алексей Николаевич смеялся до упаду и говорил Жильяру: «Посмотрите на толстяка, на толстяка»... «Старый дядька Наследника, боцман Деревенько, – читаем в труде Н. Соколова, – тот самый, среди детей которого протекли первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему, оказался большевиком и вором и покинул Царскую Семью».

В первый день св. Пасхи Наследник мог выйти первый раз после болезни на террасу; затем стал выходить в Царскосельский парк и участвовать в общих физических работах Царской Семьи, обычно в солдатской форме, с лопатой в руках, окруженный охраной.

Однажды эти солдаты увидели в руках Наследника маленькую винтовку. Это была модель русской

Императорская Семья в Тобольске. 1917 год

винтовки, сделанная для Него одним из русских оружейных заводов, ружье игрушечное, совершенно безвредное. Потребовали обезоружения Наследника. Он разрыдался и долго горевал, пока полковник Кобылинский тайно не вернул ее Ему...

Доктор Боткин и Наследник увлекались лирикой Лермонтова – любимого поэта русских отроков и юношей, которого Алексей Николаевич учил наизусть, кроме того, Он писал изложения и сочинения по картинам. Доктор наслаждался этими занятиями.

Последний день рождения Наследника, 30 июля/12 августа 1917 года прошел тревожно. Утром по желанию Императрицы принесли чудотворную икону Божией Матери, чтобы помолиться перед дорогой: под величайшим секретом комендант сообщил, что всю семью перевозят в Тобольск. Наследник попрощался с родными местами – с детским островом, с огородом; потом – томительная, ужасная ночь, рыдания сестер и утром отъезд.

К вечеру 6 августа, в праздник Преображения Господня, на пароходе «Русь» прибыли в Тобольск, где жизнь в новом заключении скоро устроилась. В счастливые дни Государь мечтал о том, чтобы самому заняться воспитанием Сына, но по ряду причин тогда это было невозможно. Это оказалось возможным только теперь. Государь давал уроки Цесаревичу в мрачном доме в Тобольске, уроки продолжались затем в нищете и убожестве екатеринбургского заточения.

Уроки наследника начинались в 9 часов утра в большом зале губернаторского дома или в комнате Жильяра и с перерывами для завтрака и прогулок продолжались до 6 с половиной часов вечера. Состав преподавателей Наследника пополнился г-жой К.М. Битнер.

В свободные часы он играл с Колей Деревенко (сын доктора). Из письма Великой Княжны Анастасии узнаем, что «у брата есть маленькая лодочка, в которой мы, так сказать, катаемся, воды все-таки недостаточно, и мы отталкивается от дорожек палками, конечно, бываем совершенно мокрыми».

С наступлением холодов Великие Княжны устроили себе ледяную горку и ежедневно катались на

Царевич с Сестрами в тобольской ссылке. 1917 год

ней или устраивали на этой же горке грандиозную возню с Алексеем Николаевичем.

Последняя елка Наследника была зажжена 24 декабря/6 января 1917/1918 года. Великая Княжна Мария писала: «Вечером сочельника в 9 с половиной часов была у нас всенощная… и за столом со всеми образами поставили елку и зажгли ее. Так она и простояла всю всенощную. Было очень красиво и уютно. На елку мы ничего не вешали».

В Тобольске богослужения разрешались сначала в доме, а с конца сентября было получено разрешение посещать церковь, но изолированно от народа и только на ранней обедне. Отрок Алексей Николаевич, когда был здоров, ни разу не пропустил этих богослужений.

В день Рождества Христова 25 декабря/7 января 1917/1918 года за Божественной Литургией в

церкви, битком наполненной народом, было неожиданно для молящихся провозглашено многолетие Царской Семье, за что священник потом был удален из Тобольска.

Новый батюшка, совершая водосвятие в доме заключенных, не мог удержаться и, низко поклонившись, широким крестом осенил отрока, а потом поцеловал его в голову, чем вызвал слезы почти у всех свидетелей этой сцены.

Солдаты караула постепенно проникались какимто особым чувством симпатии, уважения и жалости к Царской Семье и особенно полюбили самого Государя и Царевича, который для них оставался Наследником. Алексей Николаевич завоевал особую любовь своей простотой, лаской, вежливостью и общением с солдатами. Он частенько отправлялся вместе с отцом в «караулку» поиграть в шашки с солдатами и поговорить с ними, причем их меткие и остроумные выражения, или чисто русские, заносил в свой дневник и пользовался ими в разговорах среди родных.

Давление извне портило эти отношения. На Крещение Алексею Николаевичу пришлось скрыть под башлыком свои погоны, с которыми он не хотел расставаться.

Несмотря на сносные условия жизни, однообразие ее давило, особенно Наследника. «Скучно, – писал он в своем дневнике, – скучно: сегодня, как вчера, завтра – как сегодня... Господи, помоги нам. Господи, помилуй!»

В январе под руководством Жильяра и Гиббса участились домашние спектакли, в которых Наследник

Император с Наследником в Тобольске. 1917 год

принимал самое живое участие и сам играл. Алексей Николаевич с привязанной бородой и говоривший басом был необычайно мил и выступал в качестве маленького антрепренера.

Алексей Николаевич после обеда подошел к доктору Боткину и с серьезностью делового человека сказал: «Мне надо Вам кое-что сказать, Евгений Сергеевич», после чего взял его под руку и пошел с ним взад и вперед по залу. Дело заключалось в том что Алексей Николаевич просил доктора участвовать в следующем спектакле. Евгений Сергеевич сначала отказывался, но Алексей Николаевич просил его сделать это для него, говорил, что это будет роль старого доктора, очень легкая, и Боткин согласился.

Сохранилось письмо Наследника из Тобольска Матери от 22 января 1918 года: «Сегодня 29 градусов мороза и сильный ветер и солнце. Гуляли – ходили на лыжах по двору. Вчера играл с Татьяной и Жиликом французскую пьесу. Все готовят еще другие комедии... Есть у нас хороших несколько солдат, с ними я играю в караульном помещении в шашки. Коля Деревенко бывает по праздникам у меня. Нагорный спит со мною. Пора идти к завтраку. Целую и люблю. Храни тебя Господь».

Государыня в эти дни говорила про своих детей: «Такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются. Маленький – ангел... Надеюсь, Господь благословит мои уроки с Беби – почва богатая – вся жизнь моя в нем».

Тобольские холода давали себя чувствовать и отразились на быте Семьи. Комнаты Царевен стали ледниками. Царевич должен был ложиться спать в кровать весь укутанный и долго не мог согреться, лежа в промерзлой постели.

Вера в Бога поддерживала их и давала силы в ту пору, когда друзья покинули их, когда Они оказались преданы той самой страной, важнее которой для Них не существовало на свете ничего.

Наступил 1918 год – последний год жизни Семьи, и при совершении новогоднего молебна было разрешено помолиться в церкви, так же как в Крещение Господне, но с условием снять погоны. Государь не мог заставить себя сразу подчиниться приказу и, накинув кавказскую бурку, закрыл ею погоны, а Наследник опять спрятал свои нашивки под башлык.

Дальше для всей Царской Семьи, а особенно для Наследника наступили дни, которые лучше всего можно характеризовать словами стихотворения – молитвы, сохранившегося в дневнике Великой Княжны Ольги Николаевны:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей…

Перед масленицей Царскую Семью перевели на солдатский паек; по постановлению солдатского комитета разрушили ледяную горку. Дети были в отчаянии. 30 марта вновь, как в Спале, заболел Наследник. «Он чувствовал так хорошо эту зиму, – говорит Его воспитатель. – Страшно живой и веселый, Он постоянно прыгал и скакал и устраивал очень бурные игры. Одна из них была катанье вниз по ступенькам лестницы в деревянной лодке на полозьях, другая – какие-то импровизированные качели из бревна. Не знаю, – вспоминает Т. Мельник, – во время которой из них, но Алексей Николаевич ушибся и слег. Начался один из сильнейших приступов гемофилии, и Наследник, к общему несчастью, очень страдал».

Затем последовали новые трагические испытания: вынужденный отъезд Государя, а с Ним и Государыни в Екатеринбург.

Государыня, поручив Царевича Жильяру, решилась ехать с Государем. Вся Семья провела день после полудня около постели Алексея Николаевича… Почти все в доме плакали…

В тобольском доме появились новые комиссары-звери: кочегар Хохряков и бывший жандарм Родионов. Все их внимание сосредоточилось на Наследнике; они не верили Его болезни; ежедневно присутствовали на Его лечебной электризации, следили за каждым шагом ребенка, которого верный преданнейший слуга – дядька матрос Нагорный то носил на руках, то катал на колесном кресле.

Алексею Николаевичу и сыну доктора Деревенко очень нравилось тайно переписываться, хотя никто не мешал им переписываться явно. Им же доставляло особенное удовольствие пересылать письма каким-то таинственным способом, в просверленных просфорах например. Как-то раз Алексей Николаевич передал свое письмо через Нагорного; его обыскали, нашли письмо самого невинного содержания и подняли целую историю.

6/19 мая – день рождения Государя – и распоряжение о запрещении какого бы то ни было богослужения.

«7 мая, – пишет П. Жильяр, – они покидают дом и всходят на тот же пароход "Русь", на котором прибыли восемь месяцев тому назад. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича с Нагорным в каюте. Нагорный устроил ему скандал и ругался: "Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!"» Нагорный вообще держал себя смело.

Когда прибыли в Тюмень, на пристани ждала громадная толпа, которая приветствовала Царских Детей. При виде Наследника послышался громкий плач с причитанием: "Дорогой Ты наш! Милый Ты наш! Куда Ты от нас уезжаешь и зачем Ты нас остав-

На пути в Екатеринбург Наследник Престола Алексей Николаевич и Великая Княжна Ольга Николаевна

ляешь?" Плакали женщины, бросали цветы. Плакали мужчины. От слез удержаться было положительно невозможно.

Под сильным конвоем Детей отвели в специальный поезд. Когда Царская Семья села в поезд, Жильяра грубо отделили от Наследника. Этому преданнейшему Царской Семье человеку удалось в последний раз увидеть своего обожаемого воспитанника у запасных путей в Екатеринбурге.

9/22 мая, в день перенесения мощей свт. Николая, Семья прибыла в Екатеринбург и была заключена в доме Ипатьева. Прибывшие расположились, как могли, в доме особого назначения.

В Ипатьевском доме Наследник лежал в угловой комнате Их Величеств. Состояние его здоровья ухудшилось от утомления дорогой, и болезненные припадки усилились.

Обращение с Семьей становилось все более и более жестоким и оскорбительным... Всем было ясно, что их ожидает в будущем, и больной Наследник и Его Августейшие Сестры проявляли полное сознательное отношение к своей участи и мужественно относились к новым условиям жизни, проявляя всячески желание выказать несчастному Отцу и Матери всю свою ласку и заботу о них. Наследник не покидал постель, но Ему становилось несколько легче. Во всей Семье царило повышенное религиозное настроение, и на жестокость и оскорбление Семья отвечала кротостью и любовным терпением. Такое их настроение производило глубокое впечатление на стражу, и даже сам начальник стражи, грубый и невоздержанный Авдеев, начал подчиняться этому благотворному влиянию... Авдеева уволили, и его место занял Юровский.*

Государь был неотлучно при Наследнике и во время прогулок сам выносил Его в сад на руках, так как в начале июня матрос Нагорный был арестован, увезен и расстрелян, ибо не стерпел грубого обращения с Алексеем Николаевичем и открыто и дерзновенно защищал его. «Дядька Царевича матрос яхты „Штандарт“ Клементий Григорьевич Нагорный, простой крестьянин с Украины, – говорит хорошо

* Юровский Яков Михайлович (Янкель Хаимович), родился в 1878 г. в Каинске Томской губернии (с 1935 г. Куйбышев, ныне Самара).

знавший его Жильяр, – мог сказать одно слово и быть спасенным. Ему надо было только отречься от своего Государя! И этого слова он не сказал! Да будет вечная память и вечная слава этому крепкому, честному, русскому человеку-мученику!»

Царская Семья все сиротела. Мучения, оскорбления, лишения и пытки нарастали с каждым днем.

Доктор Деревенко на первых порах через день приходил к Их Величествам под конвоем, контролируемый в лечении Алексея Николаевича какимто безграмотным фельдшером, затем и он перестал приходить. Случайные вести о Наследнике нам передает священник Иоанн Сторожев, служивший в Ипатьевском доме обедницу 20 мая/2 июня: «Алексей Николаевич лежал в походной постели и поразил меня своим видом: Он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид Он имел до крайности болезненный, и только глаза у Него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня… Одет Он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом».

Последняя обедница была отслужена тем же священником 1 июля…

2/15 июля женщина Скородумова, приглашенная для уборки в дом, видела Наследника в столовой; с ним говорил Юровский.

В ночь с 3 на 4/17 июля было совершено зверское, подлое убийство всей Царской Семьи и всех оставшихся с Ними лиц… Выстрелы в подвале Ипатьевского дома почти в упор… Первой жертвой пал сам Государь, за Ним его верная до гроба Супруга

Царская Семья

Государыня Императрица и вся Семья. Наследник не умер сразу от полученной пули, а лежал и стонал. Тогда Юровский, убивший Его Отца, прикончил и Царственного Сына, Богоданного России Наследника Великого Царства...

Светлый Отрок – с детства никому не сделавший зла; отрок, с младенчества обреченный на страдания не по своей вине; отрок, в страданиях не роптавший, а молившийся: «Боже! Сжалься надо мною!»; отрок, умевший понять страдания тех, кто проливал свою кровь за Царя и Отечество; отрок, лишенный

свободы, притесняемый, без достаточного питания, умевший не только без злобы относиться к тем, от кого страдал, но внушавший им к себе любовь, уважение и сострадание; наконец, отрок, сам страдавший, но старавшийся поддержать и по своему разумению и силам своих несчастных родителей в их ужасной доле, сознательно отнесшийся к страшной перемене в своей судьбе… Скажите, чего достоин этот Отрок?!

Не учит ли нас этот святой Отрок тому христианскому терпению и любви, которые он почерпнул на уроках Закона Божия со своей страдалицей матерью и которые сумел воплотить в жизнь?

И несомненно, всякий верующий человек в часы бесконечных мук своей жизни вспомнит и призовет св. Страстотерпца Царевича-Мученика Алексия, попросит через него Высшей помощи, и получит ее.

В страшное пережитое время и переживаемое нами теперь Господь Бог, по своему милосердию, дает нам, а с нами и всей Русской Земле, нового предстателя перед Своим Престолом, нового молитвенника и заступника, лишь бы мы сами, русские люди, поняли, кого имеем в лице св. Наследника, Великого Князя Царевича Мученика Алексия.

На поляне в лесу у села Коптяки, где сжигали и взрывали тела святых Царственных Мучеников, были найдены затем, среди других предметов, пряжки пояса Наследника, пуговицы и куски материи его пальто.

Страдая во время тяжелого заболевания в 1912 году в Спале, он как-то сказал своим родите-

лям: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник».

Памятник не воспоминаний только, а возрождения живой жизни.

И будет он вещать этим искалеченным поколениям современных русских детей – отроков и юношей – об иной жизни великой Страны, о крепкой русской семье, которая его воспитала, и будет поднимать их от грязи и себялюбивой пошлости на светлые жертвенные вершины духа!

**СВЯТЫЙ СТРАСТОТЕРПЧЕ
ЦАРЕВИЧЕ МУЧЕНИЧЕ АЛЕКСИЕ,
МОЛИ БОГА О НАС!**

Все по старому.
!!!Конецъ!!!
Храни васъ Богъ!+.
Цѣлую крѣпко.
Любящiй васъ. Ваня
Ефрейторъ

НЕБЕСНЫЙ АНГЕЛ

Молитвой Старца Серафима
Перед лицом грядущей тьмы
Тебя Господь послал России
Для утешенья и любви.
Наследник Русского Престола,
Во свете юной чистоты
Ты стал надеждою народа
И счастьем Царственной Четы.
Еще звонили над Россией
Все Божии колокола
И православная Святыня
Судьбою русскою была.
Под грозным Скипетром Державным,
Двуглавым Царственным Орлом,
Она путем шагала славным,
От Бога данным ей путем.
Но за грехи всего народа,
Тебя жестокою судьбой,
Пал жребий тяжкого недуга
Как меч над светлою главой.
Младенец телом, духом воин,
Все претерпел Ты до конца,
И был Наследником достойным,
Самодержавного отца.

Готовил враг уже ловушку,
И для Царя, и для Тебя.
Забыты детские игрушки,
Пожаром вспыхнула война.
В мундире русского солдата,
С Отцом бок о бок Ты шагал
Христову Воинству, как Знамя,
Дух перед битвой поднимал.
Когда ж над Русскою Землею,
Кровавый смуты грянул гром,
Позор измены и невзгоды
Делил Ты с царственным Отцом.
И вместе с Ним на крест жестокий
Шагнул в бессмертие и Ты.
Тебя, как лебедя на взлете,
Сразили пулями враги.
Ваши безвестные могилы
Сокрыла Русская Земля.
Над Святостью Отца и Сына
Не властны ложь и клевета.
На фотоснимках, как живые,
И болью разрывает грудь.
Твоя небесная улыбка
Нам крестный озаряет путь.
И выразить слова не в силах,
Тот грех, что совершили мы,
Не наше горькое «помилуй»,
Не наше слезное «прости».
Тебя любить мы не умели,
И не сумели защитить –
Святой Наследник Цесаревич,
Небесный Ангел Алексий.

За Веру,
Царя
и Отечество!

Библиография

Баловленков Ю.В. Жития Святых Царственных Мучеников. М., 2001.

Кравцова М. Воспитание детей на примере Святых Царственных Мучеников. М.: Благо, 2003.

Орехов Д. Подвиг Царской Семьи СПб.: Невский проспект, 2001.

Савченко П. Светлый Отрок. Сборник статей о Царевиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках. М.: Диалог, 1990.

Царская Семья в воспоминаниях и фотографиях. Молитвы. М. – СПб., 2005.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999.

Цесаревич. СПб.: Царское Дело, 2004.

Интернет, Екатеринбургская инициатива <pravaya@pravaya.ru>.

изд. РУССКАЯ СИМФОНИЯ
ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ ТАИСИИ
Санкт-Петербург
2009 г.

ББК Э372.24-574.8
С 25

Отпечатано в типографии «Невская жемчужина»
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д.22
Заказ № 164, Тираж 870 экз. Лицензия ПЛД № 69-331 от 18.01.99 г.

Текст этого жизнеописания составлен из воспоминаний не только верноподданных, но и просто близких лиц, очевидцев и даже врагов Царской Семьи.

В данных изданиях практически нет авторского текста, за исключением фраз, соединяющих хронологически и по смыслу различные описываемые эпизоды жизни или характеристики.

В этой серии брошюр в некоторых случаях использована орфография эпохи правления Императора и Самодержеца Всероссийского Николая II.

Предлагается для школьного и семейного чтения, для всех интересующихся правдивым описанием праведной жизни Святых Царственных Страстотерпцев и для всех любящих Россию.

